

Яркий алого цвета столб света упал с небес на Крайний Север, и мир культиваторов мгновенно погрузился в галдеж. Этот столб света означал лишь одно: на Крайнем Севере практикующие разошлись и расторгли союз.

Общеизвестно, что для любого практика самое главное — это техники культивации, Дао-партнёры, редкие сокровища и места силы. Поэтому, заключив союз, практикующие практически никогда не расторгают его. И тем не менее сегодня кто-то решился на разрыв. Однако людей поразили вовсе не сам факт расставания, а то, где находились те двое. Стоит ли говорить, что на Крайнем Севере жил всего один практик — непревзойденный мастер Искусства формаций в мире культивации, Даоцзунь Учжэн по имени Чу Шучэнь.

Чу Шучэнь обладал чудовищной силой, его уровень культивации давно достиг стадии Великого Достижения, и до вознесения оставался всего один полушаг. Когда весь мир решил, что он собирается основать собственную секту или клан, Чу Шучэнь несколько веков назад уединился в снежных горах Крайнего Севера и с тех пор почти не показывался в миру. Но три года назад Чу Шучэнь внезапно взял в Дао-партнёры некоего малоизвестного юного практика по имени Дуань Уюнь.

Уровень культивации Дуань Уюня сильно уступал уровню Чу Шучэня — он едва-едва прорвался на стадию Зарождающейся Души (начальная ступень), а в повседневной жизни он постигал Путь убийства. Бессчетное множество людей по всему миру кипело от гнева и возмущения, предполагая, что проживший тысячу лет Чу Шучэнь просто ослеп на старости лет, раз обратил внимание на Дуань Уюня. Никто и подумать не мог, что этот союз продержится всего три года, и сегодня они возьмут да и разорвут его.

На занесенных вечными снегами горах Крайнего Севера снова повалил густой снег. На тысячу ли вокруг не было ни души — лишь редкие сухие деревья жались друг к другу в трещинах скал, постепенно погребаемые под бушующей метелью.

Небесный Путь уже признал клятву о расторжении союза, которую они только что принесли, и Дуань Уюнь должен был немедленно покинуть Крайний Север. Перед прощанием он некоторое время молчал, а затем наконец заговорил:

— Хотя я не знаю, почему три года назад ты согласился на мои ухаживания и стал моим Дао-партнёром, за эти три года каждый из нас был занят своей культивацией. Мы виделись крайне редко, и о какой-либо привязанности между нами говорить не приходится. Желая тебе поскорее достичь просветления и вознестись. Пусть воды широки и горы высоки, но больше нам не встретиться.

Лицо Чу Шучэня, как и всегда, оставалось бесстрастным и суровым, в нем не читалось никаких эмоций, но во взгляде промелькнула едва уловимая нежность. Он поджал губы и спустя долгое время спокойно ответил:

— Благодарю.

Дуань Уюнь ушел. Чу Шучэнь смотрел на бескрайнюю снежную пелену, укрывшую землю и

небо. Его холодное лицо по-прежнему не выражало ничего, но пальцы, сжимавшие документ о расторжении союза, чуть-чуть задрожали.

Он прожил больше тысячи лет, и его жизнь была пресной и однообразной: кроме культивации и сражений не было ничего. Он не разбирался в увлечениях молодежи и уж тем более не знал, как с ней общаться. Чу Шучэнь не понимал, почему Дуань Уюнь тогда вдруг признался ему в чувствах, зато прекрасно понимал, почему тот ушел — ни один молодой человек не смог бы долго выносить столь унылую жизнь.

Именно поэтому Чу Шучэнь не стал останавливать Дуань Уюня.

Дуань Уюнь вошел в чайную. Внутри вовсю шли жаркие споры о расторжении союза между Чу Шучэнем и его партнёром. Странно, но он и не подозревал, что обитатели мира культивации тоже так любят посплетничать.

Заметив его, владелец заведения улыбнулся еще приветливее:

— Дорогой гость, а вы внешне вылитый Дуань Уюнь!

Дуань Уюнь легко приподнял брови и первое, что пришло в голову, сорвалось с его губ:

— Ле Сюань.

Дуань Уюнь с легкой улыбкой покачал головой. Он — злопамятный? Во всем подлунном мире не сыскать человека с характером лучше, чем у него, — вот уж поистине язык без костей, лишь бы сплетни распускать. Думая об этом, Дуань Уюнь сердился все больше и больше. Он щелчком пальцев выпустил сгусток духовной энергии и разнес в щепки табуреты тех самых болтунов, что рассуждали о нем минутой ранее.

А в это время тихая чайная снова зашумела. Кто-то восхищенно протянул:

— И чем же этот Дуань Уюнь приглянулся Даоцзуню Учжэню? По уровню культивации — всего лишь ранняя стадия Зарождающейся Души; по технике Дао — изучает презренный Путь убийства из низших девяти категорий; а по внешности — да разве найдется на свете лицо красивее, чем у самого Даоцзуня Учжэня?

Кто-то неопределенно хмыкнул под нос и проворчал:

— Тоже мне, наговорили с три короба. Будь Дуань Уюнь и впрямь так силен, не опустился бы до изучения низкопробных убийственных техник. Столкнись он с практикующими стадии Прохождения Скорби или Великого Достижения, он для них — обычная букашка.

Один из посетителей, обладавший чуть большим кругозором, взял на себя труд пояснить:

— Легким движением руки указываю за врата Цанмэнь, шагом ближе — забираю жизнь Дуань Уюня. Дуань Уюня по праву можно считать легендарной фигурой в мире культивации. Его

уровень культивации нельзя назвать заоблачным, а зарождение младенца произошло всего несколько лет назад. Но при этом он владеет непостижимыми, поистине божественными навыками скрытных убийств, способными позволить ему в одиночку расправиться с десятками врагов более высокого ранга. Больше десятка лет назад до Дуань Уюня дошли слухи, что глава врат Цанмэнь, находившихся за десятки тысяч ли отсюда, убил его доброго друга. И что вы думаете? Не прошло и половины палочки благовоний, как Дуань Уюнь добрался до тех земель и вырезал до единого человека всю верхушку и подчиненных врат Цанмэнь. Именно тогда за ним и закрепилось прозвище, гласящее: легким движением руки указываю за врата Цанмэнь, шагом ближе — забираю жизнь.

Другой практикующий продолжил мысль:

— Да мы с вами перед ним — не больше чем муравьи.

— А как же объяснить прозвище Шаг, несущий смерть? — не унимались любопытные.

Дуань Уюнь улыбнулся:

— Многие так говорят.

Чайный мастер подошел ближе и с угодливой улыбкой поинтересовался:

— Позвольте узнать ваше имя, уважаемый гость?

Шум в чайной немного стих, и люди один за другим стали оборачиваться, с любопытством разглядывая вошедшего Дуань Уюня. На нем было длинное одеяние с широкими рукавами цвета морской волны, а черные волосы были небрежно подвязаны зеленой лентой, причем несколько выбившихся прядей падали прямо на лоб.

Дуань Уюнь тоже хотел узнать ответ, поэтому задержался подольше, но никак не ожидал, что тема разговора снова сведется к обсуждению его личной жизни.

— Да потому, что в нашем мире культивации едва ли найдется хотя бы пара человек, способных разглядеть движения Дуань Уюня, — пояснил тот же знающий практик, но ближе к концу его голос невольно стал тише. — Ходят слухи, что Дуань Уюнь ужасно злопамятен. Когда он только ступил на порог постижения Дао, его жестоко унизили, но стоило ему достичь стадии Золотого Ядра, как он вернул все долги сполна с огромными процентами.

Если бы кто-нибудь еще оказался здесь в этот момент, то пришел бы в еще больший ужас: у Даоцзуня Учжэня, редко знавшего себе равных в мире культивации, внезапно оказалась повреждена духовная сущность, да так сильно, что началось расщепление духа. Стоит отметить, что духовная сущность — это сама душа практика, и любой урон ей наносится фатальный и необратимый. Кто же на свете мог сотворить с Чу Шучэнем такое?

Чу Шучэнь достал из запазухи документ о расторжении союза, небрежно разорвал его на

мелкие кусочки и тыльной стороной ладони стер кровь с уголка рта:

— Расторгли союз... Ха-ха...

Но в этот самый момент его духовную сущность пронзила острая боль. Лицо Чу Шучэня менялось на глазах, пока прежнее холодное выражение окончательно не сменилось жуткой гримасой. Снежинка опустилась на губы Чу Шучэня, и его губы медленно поползли вверх, обнажая леденящую кровь улыбку.

Чу Шучэнь взмахнул рукой, и в его ладони материализовался меч. Всего одно мгновение — и его фигура растворилась в бушующей метели: обратившись в яркий белый луч света, он помчался в погоню за удаляющимся Дуань Уюнем.

Молодой практик сидел в крайне небрежном виде: волосы растрепаны и распущены как попало, казалось, к ним уже целую вечность не прикасалась расческа. Скрестив ноги на скамье и кое-как сунув ноги в шлепанцы, он беззаботно напевал себе под нос веселый мотивчик, в такт которому покачивались шлепанцы на его ногах. Трудно было поверить, что этот неряха — первый целитель мира культивации, обладатель лика святого и демонического сердца, известный как Ду Сяоцзы.

Оказавшись в помещении, Дуань Уюнь проследовал в самый дальний угол чайной и почтительно поклонился сидевшему там молодому человеку:

— Даоцзунь Ду Сяо.

Ду Сяо взглянул на него, потирая шлепанец на левой ноге, и прищурился:

— Ты и впрямь расторг союз с Чу Шучэнем?

Дуань Уюнь с горькой улыбкой ответил:

— Я человек бедный, заплатить Даоцзуню за лечение мне решительно нечем, вот и пришлось согласиться на ваши условия.

Ду Сяо приподнял брови и усмехнулся:

— Не переживай, я велел тебе разойтись с ним вовсе не просто так — со временем ты еще спасибо мне скажешь.

Дуань Уюнь улыбнулся, не подтверждая, но и не опровергая его слов. Нрав у этого Ду Сяо был престранным и крайне вредным: будучи целителем, он не испытывал к людям ни капли сострадания, а все его поступки диктовались исключительно сиюминутными прихотями. Во всем мире культивации знали, что из десяти слов Даоцзуня Ду Сяо девять — ложь, а оставшееся можно смело принять за пустой звук и выбросить из головы.

— Я выполнил уговор и расторг союз с Чу Шучэнем. Не подскажите, когда Даоцзунь соизволит

передать мне рецепт?

Вместо того чтобы выдать рецепт, Ду Сяо задал встречный вопрос:

— Судя по виду, здоровьем ты похвастаешься. Зачем тебе понадобился рецепт лекарства от поврежденной духовной сущности?

Еще несколько месяцев назад Дуань Уюнь разыскал его с просьбой вылечить человека с подобной травмой.

Дуань Уюнь невозмутимо ответил:

— Разве Даоцзунь Ду Сяо не лечит болезни, не задавая лишних вопросов?

— Ах, это потому, что те больные мне были неинтересны, — расплывшись в ухмылке, протянул Ду Сяо. — Уж не у самого ли Чу Шучэня повреждена духовная сущность?

Если так, то ему непременно стоит навестить Чу Шучэня и как следует развлечься.

Дуань Уюнь сохранил абсолютное спокойствие на лице и солгал:

— Нет.

— Тогда кто же это?

Дуань Уюнь на секунду замолчал, словно тяжело вздохнув:

— Благодетель. Тот, кто однажды спас мне жизнь.

Ду Сяо долго изучал его взглядом, пытаясь то ли разгадать что-то, то ли просто оценивая, а потом презрительно скривил губы и вытащил из-за пазухи лист бумаги:

— Рецепт я тебе отдам. Но помни о двух условиях, которые я озвучил изначально: первое — ты расторгаешь союз с Чу Шучэнем; второе — содержимое этого рецепта ты не имеешь права раскрывать никому второму. Хочешь найти ингредиенты — ищи сам.

Дуань Уюнь кивнул и с легкой улыбкой произнес:

— Раз Даоцзунь Ду Сяо желает сохранить рецепт в тайне, я все понял.

Только после этого Ду Сяо протянул ему бумагу:

— Четыре загадки на этом листке скрывают в себе пять лекарственных трав. Как только отыщешь все пять, возвращайся ко мне варить лекарство.

Дуань Уюнь опустил взгляд на зашифрованные строки: «Феникс улетел, оставив перья и огонь; Цилинь оставил золото под деревом; море высохло, вода устремилась к небу; гром испугал дерево, сердце осталось цело».

Он с досадой улыбнулся:

— Даоцзунь Ду Сяо, раз уж вы согласились помочь, к чему эти загадки и недомолвки?

— Левая пятка захотела.

— ...

— Душа моя лежит к этому, — Ду Сяо сбросил с ноги шлепанец и принялся подбрасывать его в воздухе. — В конце концов, лечить того человека хочу вовсе не я. Сможешь разгадать — спасешь его, не сможешь — пускай околет.

— ... — Если бы Дуань Уюнь хоть капельку превосходил Ду Сяо в силе, он бы непременно отходил его по первое число, но, к сожалению, сейчас ему было с ним не тягаться.

Опасаясь, что излишне давлением он перегнет палку и веселье закончится, Ду Сяо милостиво подсказал:

— Послушай, первая строчка — «Феникс улетел, оставив перья и огонь», — разве это не очевидно? Пошевели уже своими мозгами размером с грецкий орех.

Дуань Уюнь был не из глупцов: стоило ему вчитаться в загадку, как в мыслях тут же мелькнула догадка.

— Неужели речь идет об Огне Хвоста Феникса, что хранится у клана Бай в городе Фэнлин?

Ду Сяо одарил его многозначительной улыбкой. Из-за растрепанных волос выглядывала лишь половина его поразительно красивого лица, казавшегося искусной фальшивой маской — точь-в-точь под стать характеру его владельца.

— Ой, глянь-ка, падающая звезда! — неожиданно воскликнул Ду Сяо, указывая пальцем куда-то за окно.

Дуань Уюнь поднял глаза и обомлел: разве это не летевший на всех парах со своим мечом Чу Шучэнь?

Не торопясь и сохраняя полнейшее спокойствие, Ду Сяо прокомментировал:

— Похоже, он прилетел убить тебя.

Сквозь зубы выдавив улыбку, Дуань Уюнь прошипел:

— Премного благодарен за предупреждение.

Расспрашивать Чу Шучэня о целях его визита он даже не думал: когда бывший муж примчался к тебе с мечом наперевес, тут явно не до романтических свиданий. Это либо верная смерть, либо смерть в мучениях. Не раздумывая больше ни секунды, он метнул вперед артефакт для полетов в форме шпильки для волос и, обратившись в зеленый луч, мгновенно скрылся вдали.

Чу Шучэнь ударил в пустоту и ледяным взглядом уставился на Ду Сяо.

Ду Сяо одарил его донельзя доброжелательной улыбкой, а затем ловким движением руки запустил шлепанцем прямо в лицо Чу Шучэню.

Белые пряди Чу Шучэня, спадавшие на грудь, взметнулись от гнева. На время отложив расправу с Дуань Уюнем, он с яростным воплем бросился преследовать Ду Сяо, намереваясь прикончить наглеца.

Силы Ду Сяо ни в чем не уступали силам Чу Шучэня, однако ввязаться в драку со взбешенным Чу Шучэнем значило обречь себя на взаимное истребление, особенно учитывая количество врагов самого Ду Сяо, которые тут же с радостью помогли бы Чу Шучэню прикончить его. Осознав это, Ду Сяо тотчас дал деру, а его скорость бегства была такой, что оставалось только дивиться.

<http://bllate.org/book/22058/2293643>